

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

У истоков филологического образования и филологической науки в Волгоградском государственном университете стояла София Петровна Лопушанская (1926–2008) – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В 1980 году София Петровна возглавила кафедру русской филологии, на базе которой позже сформировались несколько кафедр, образовавших филологический факультет ВолГУ. С 1990 года она заведовала созданной ею лабораторией «Глагол», ставшей центром исследований глагола в сопоставительном освещении, синхронии и диахронии. С 1994 года С.П. Лопушанская возглавляла диссертационный совет при ВолГУ по русскому и германским языкам; с 1998 по 2007 год являлась директором Научно-исследовательского института социально-экономических и гуманитарных исследований ВолГУ; с 2007 года работала главным научным сотрудником Института социально-экономических и гуманитарных исследований ВолГУ.

Под руководством С.П. Лопушанской было защищено 10 докторских и 20 кандидатских диссертаций – сформировалась научная лингвистическая школа. С.П. Лопушанская – автор более 230 публикаций (монографий, лексикографических изданий, статей).

В отечественной русистике имя профессора С.П. Лопушанской связано с целостной лингвистической концепцией, основанной на комплексном подходе к анализу языковых явлений (подробно см.: Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова, Е. В. Терентьева, Е. М. Шептухина / отв. ред. Е. М. Шептухина. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2009. – С. 5–26 ; Горбань О. А. Лингвистические идеи профессора С.П. Лопушанской в контексте современной научной парадигмы / О. А. Горбань, Е. М. Шептухина // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 153, кн. 6. – С. 7–15).

В данном разделе воспроизводится статья С.П. Лопушанской, малоизвестная в силу ограниченного тиража издания, в котором она впервые была опубликована: *Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. 2. Tagung der Internationalen Kommission für slavische Wortbildung (Magdeburg, 9–11.10.97).* – Frankfurt am Main : Peter Lang, 1999. – S. 87–197. Однако для современной лингвистики эта работа имеет методологическую значимость, поскольку в ней обоснованы принципы изучения словообразования как синхронно-диахронического процесса.

Е.М. Шептухина,
доктор филологических наук

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СОЧЕТАЕМОСТИ МОРФЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ) ¹

Лопушанская София Петровна

1. В современных работах по словообразованию при синхронно-диахроническом описании языка [15] особое внимание уделяется изучению причин, регламентирующих совместимость / несовместимость морфем,

основы и аффиксов. Традиционный подход учитывает разграничение полисемантической и моносемантической основы исходного слова. Однако именно в рамках полисемии возникают вопросы о влиянии на сочетаемость мор-

фем различных показателей, что до сих пор не нашло объяснительного толкования. Это в наибольшей степени относится к парным бесприставочным глаголам движения и их производным в русском языке.

Выбор русских бесприставочных глаголов движения в качестве единого семантического класса лексических единиц, которые рассматриваются нами как однотипные словообразовательные основы различных производных слов, связан с сохранением древней оппозиции по определенности : : неопределенности лексем типа *нести* : : *носить*, что позволяет проследить развитие словообразовательной системы древнерусского глагола, синтезирующей семантические изменения производящего и производного слов, функционирующих в тексте.

Выявление глубинных различий между мотивирующим и мотивированным словами на лексическом, лексико-грамматическом и грамматическом уровнях сопряжено с установлением *семантических* изменений в смысловой структуре сопоставляемых глаголов. Предлагаемое нами разграничение модуляции и деривации как двух качественно различающихся процессов [4; 9] дает возможность объяснить причины сочетаемости / несочетаемости морфем, расширения / сужения валентностных возможностей производного слова, свертывания / развертывания набора его словоформ.

В статье определены тенденции и контртенденции развития префиксального словообразования русских глаголов движения; установлены семантические ограничения, блокирующие образование новых слов от мотивирующих основ, обозначающих определенность или неопределенность перемещения в пространстве; показаны общие и частные изменения в смысловой структуре производящего глагола в результате взаимодействия с модифицированной семантикой словообразовательного форманта, актуализирующего в сильной позиции (в устойчивой сфере употребления префиксального глагола) семы, иерархическая функция которых в смысловой структуре производного слова изменялась (дифференциальная сема могла приобретать статус интегральной либо категориальной и наоборот); выявлена зависимость между характером семантических изменений бесприставочного глагола и регулярностью

выражения приращенного смысла префиксальным новообразованием.

В качестве вводных замечаний характеризуются экстралингвистические и языковые факторы, обусловившие своеобразие развития глагольного словообразования в древнерусском и современном русском языке. Подробно рассматриваются семантические изменения в смысловой структуре глагольной словоформы, функционирующей в тексте. Ранее установленные нами два типа таких изменений – модуляция и деривация – показаны во взаимодействии с процессами морфемного, в частности, префиксального словообразования. Противоречие между структурно-семантическими особенностями производящего и производного глаголов, преодоление этого противоречия путем отбора и включения приращенного смысла в семантическую структуру новообразования представлено как проявление развивающегося соотношения формы и содержания языковой единицы сначала в конкретном тексте, а затем и в системе языка в результате регулярно воспроизводимых противостоящих семантических сегментов значения [5].

Недостаточная изученность русского словообразования в плане диахронии общеизвестна. До сих пор отсутствуют описания словообразовательных типов древнерусского глагола, как это сделано на современном материале [13]; единичны монографические исследования [11]; все еще не определены параметры системного подхода к словообразовательным процессам в их развитии. В связи с этим любые вопросы названной области русистики актуальны и могут быть обсуждаемы.

При диахроническом анализе слова, при выявлении древних словообразовательных связей, которые находятся в «ореоле значения» слова [2], но оказались скрытыми в процессе его развития, важно воссоздать первоначальную мотивированность производного глагола, что возможно лишь при условии воссоздания специфики мышления древних русичей [6–8]. Мы исходим из того, что в древнерусском языке нашли отражение в качестве доминирующих конкретно-пространственные представления славян средневековья, связанные с особенностями познания реальной действительности, своеобразием осознания места человека в мироздании, с уровнем его практической дея-

тельности. Семантика многих слов с темпоральным значением позволяет говорить о том, что средневековый человек осмысливал личный и коллективный опыт, как бы глядя в прошлое и считая его реальностью. Что же касается будущего, то оно было *за нимь* и воспринималось не как обозримое следование, а как нечто ирреальное, неизвестное, существующее постольку, поскольку проявляется его соотношение с прошлым. Специфика мышления принципиально отличалась от абстрактно-пространственного восприятия мира. Эти различия обнаруживаются на всех языковых уровнях. Например, вышли из употребления слова, соотнесенные со взглядом в прошлое, тогда как их древние синонимы, связанные с семантикой следования, не разобщенного с настоящим, сохранились: *зАдъ*, *зАжъ* = наследие; *зАдъниучьникъ* = наследник и др.

Изменения в развитии мыслительной деятельности человека средневековья нашли опосредованное отражение и в словообразовательных процессах, в формировании словообразовательных категорий русского глагола.

2. Префиксальное глагольное словообразование соприкасается с определением основных критериев соотношения производящего и производного слов. Среди разнообразных признаков, которые рассматриваются в немногих диахронических исследованиях, наиболее спорными представляются лексико-семантические и лексико-грамматические, обуславливающие гомогенную либо гетерогенную сущность структурных компонентов производного глагола и, следовательно, степень утраты приставками своих древних «вещественных» (по терминологии А.А. Потебни) значений. По поводу так называемых «пустых» приставок еще С.О. Карцевский, подробно анализируя семантику глагольных префиксов, высказал мнение, что они зависят от большого количества факторов [17]. Однако набор этих факторов устанавливается неоднозначно и варьируется от исследования к исследованию, отражая различное понимание словообразовательных процессов [1, с. 130; 12].

Для диахронического описания деривационной системы в ее развитии перспективным является мнение В.В. Лопатина, высказанное в ином контексте, о словообразовательной категории как комплексной формально-семанти-

ческой единице, представляющей не только обобщенное словообразовательное значение, но и средства его выражения [3]. При этом не исключается обращение к такой общепринятой единице, как словообразовательный тип. В то же время при таком понимании основной единицы словообразовательной системы доминирующим признаком становится категориальная семантика, реализующаяся в рядах производных глаголов с разнообразными формантами и способами словообразования «на основе общности словообразовательного значения» [10, с. 54–55].

Категориальная сущность словообразовательных единиц позволяет расширить поле наблюдения, что особенно важно для осмысления причин и механизма исторических изменений этих единиц. Если при описании синхронного соотношения мотивирующего и мотивированного слов центральное место занимает вычленение приращенного смысла в качестве деривационного результата, словообразовательного значения [14, с. 71–72], то диахронический анализ такой прием значительно усложняет. Это обусловлено неоднозначностью изменений, которые происходили в течение ряда эпох в семантической структуре производящей основы и рассматриваемых аффиксов.

Следует подчеркнуть, что в структуре производного слова словообразовательные компоненты рассматриваются нами в качестве относительно автономных семантических микроструктур, которые противостоят друг другу в едином звуковом комплексе и могут включаться в парадигматические ряды производных слов, сопоставление которых позволяет установить однозначность или многозначность данных словообразовательных компонентов. Особую значимость при этом приобретает вопрос о разграничении многозначности и омонимии как производящей основы, так и форманта. С учетом всего изложенного в дальнейшем рассматриваются особенности семантической сочетаемости морфем в процессе префиксального словообразования прежде всего древнерусских глаголов движения.

3. Комплексный подход к содержательной стороне слова позволяет рассматривать его семантическую структуру как единство взаимодействующих разноуровневых значений,

организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи (в тексте). С целью разграничить изменения деривационного и недеривационного типа нами было введено понятие «семантическая модуляция» для обозначения перегруппировки разноуровневых признаков в смысловой структуре словообразовательных компонентов производного слова, производящей основы и форманта [4; 9].

Рассмотрим три лексико-семантических варианта (ЛСВ) глагола *ходити* с целью установить возможности каждого из ЛСВ в качестве производящей основы в сочетании с префиксами *за-* и *по-*, имея в виду, что смысловая структура этих словообразовательных формантов полисемантична.

(1) Использование глагола *ходити* в прямом значении: *ажѣ по грамотамъ ходити ногама* (КН 1280 г., 527 об.); и *на въстакоу соботоу хождиахъ къ немуу* (ПС XI, 37 об.). Здесь дифференциальные семы 'среда, средство, характер перемещения' реализуют категориальную лексическую сему глагола движения, что эксплицировано в контексте лексическими уточнителями (*ногама* = средство и характер перемещения; *по грамотамъ* = среда перемещения: твердая поверхность, на которую брошены грамоты), либо выражено имплицитно глагольной словоформой (*хождаахъ* = 1-е лицо ед. ч., обозначающее одушевленный субъект) и др.

(2) Использование глагола *ходити* в переносном значении: *и рывты морьскыга ... ходитъ и ти по стьзгамъ морьскыимъ* (КЕ XII, 1856). В данном случае нейтрализуются дифференциальные признаки 'движение с помощью ног', 'движение по твердой поверхности', но актуализируются семы 'перемещение в воде', 'с помощью плавников', чему способствует контекст (субъект – *рывты*, обстоятельственный уточнитель – *по стьзгамъ морьскыимъ*). При этом переосмысление и перегруппировка дифференциальных признаков не затрагивают категориальную лексическую сему 'перемещение в пространстве', не разрушают синонимических связей данного глагола, которые сложились в рамках лексико-семантической группы глаголов движения. Все это свидетельствует о том, что здесь на-

блюдается модуляция в семантической структуре многозначного слова.

(3) Использование глагола *ходити* как лингвистической единицы, не обозначающей перемещения в пространстве: *Вьсь дроугъ льстию ходитъ* (= исходит; Изб. 1073 г., л. 183). В приведенном контексте словоформа *ходитъ* употреблена в значении «живет, пребывает» (в качестве льстеца, под личиной друга). Семантические изменения разрушили категориальную лексическую сему 'перемещение в пространстве', которая в данном случае не реализуется ни в одном дифференциальном признаке. Глагол *ходити* (*льстию*) вошел в новые ряды синонимов: *льстити*, *лицемърити*, *лицемъровати*, *лицемърьствовати*; изменение системных отношений свидетельствует о том, что реализуется иная категориальная лексическая сема 'бытие, социально-этическое состояние' и что перегруппировка признаков в смысловой структуре глагола вышла за пределы модуляции, приобретая деривационный характер.

Рассмотренные варианты семантических изменений бесприставочного глагола по-разному взаимодействуют с приставками *за-* и *по-*, обнаруживая определенные тенденции в развитии глагольного словообразования.

Материалы древнерусских памятников, нашедшие отражение в Словаре И.И. Срезневского, в Словаре русского языка XI–XVII веков и в картотеке Словаря древнерусского языка XI–XIV веков (КСДР), составленной и хранящейся в Институте русского языка РАН, позволяют говорить о том, что категориальной словообразовательной семой древнерусских производных глаголов с производящим словом *ходити* и формантом *за-* или *по-* являлось смысловое единство «перемещение в пространстве + некоторое время». Примеры: *Не заходили сѣть ап(о)с(то)ли въ Пермьскую Землю* (Ж. Стеф. Перм. Епиф., 10. XV в.); и *въставъ похожааше въ дворци соудевньемъ* (Усп. сб. XII–XIII вв. 140б 29–31). При этом форманту *за-* свойственно частное словообразовательное значение «отклоняясь от основного направления»; а формант *по-* мог выражать частное словообразовательное значение «обходя некоторые объекты»: *Идете съ данью домови, а га възвращюста похожо, и еще* (Пов. вр. л. 6453 г.).

Важно подчеркнуть, что приращение ограничительного (детерминативного) значения отмечено в производных глаголах только от производящих, обозначающих ненаправленное движение. Таким образом, взаимодействие количественно-временной семантики форманта и лексико-грамматической семантики (неопределенность движения) производящего глагола обусловило появление обобщающего словообразовательного значения, которое широко представлено в современном русском языке. Расширению детерминативного категориального значения префикса *по-* способствовала регулярная сочетаемость этого форманта с лексико-грамматическими оппозициями *по-йти* : : *по-ходить*. Регулярное приращение в производных одних и тех же противостоящих семантических сегментов, оппозитивно подтверждавшихся (*начать* перемещаться : : перемещаться *некоторое время*), позволило языковому сознанию вычленить словообразовательную сему, свойственную формантной части, и использовать ее в сочетании с другими производящими основами, не имевшими оппозиций типа *идти* : : *ходить*. Аналогичные изменения происходили, как правило, в рамках семантической модуляции.

4. Разрушение категориальной лексической семы в смысловой структуре бесприставочных глаголов движения создавало предпосылки для появления омонимов в результате словообразовательного синтеза производящей основы типа ЛСВ (3) и модифицированного форманта. Примеры: *заходити въ приазнь* – «завязывать дружеские отношения» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 5, с. 334); *недугъ походить* – «болезнь овладевает» (Сл. Ср., т. II, стб. 1317).

В данном случае оппозитивные отношения материалами памятников не подтверждаются, и сочетания **зайти в приазнь* либо **недуг поидет* и подобные словарями не зафиксированы. Следует сказать, что приведенные и аналогичные образования рано вышли из употребления, оказавшись вне системных отношений.

Модуляционные семантические изменения древнерусских бесприставочных глаголов движения, которые сохраняют категориальную сему ‘направленное – ненаправленное перемещение в пространстве’, по-разному взаимодействуя с приставками *за-* и *по-*, дают

возможность установить определенные тенденции в развитии глагольного словообразования. Так, результаты проводимого исследования показывают, что изменения семантической структуры производящего глагола в процессе избирательного взаимодействия с модифицированной семантикой словообразовательного форманта могли осложняться приращением одних и тех же семантических сегментов, получавших статус однотипного обобщающего значения в сфере модуляции различных производных (ср., например, семы ‘начать перемещаться’ и ‘перемещаться некоторое время’ в глаголах с приставкой *по-*, не имевших оппозиций типа *по-йти* : : *по-ходить*).

Можно согласиться с И.С. Улухановым, который в статье «Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка» говорит следующее: «...мы не выделяем ни в синхронии, ни в диахронии “семантического” (или “лексико-семантического”) способа словообразования. Процессы соотношения, описываемые этим способом, имеют место не между разными словами, а в семантической структуре одного слова. Они происходят достаточно длительно, чего нельзя сказать о словообразовательных процессах. Возникающие в результате этого способа омонимы, с синхронной точки зрения отношения мотивации не связаны (иначе они не были бы омонимами). Поэтому целесообразно семантический способ считать лексикологическим явлением» [16, с. 11].

Действительно, с синхронной точки зрения семантическая деривация, воспринимаемая как результат длительного развития (разрушения мотивационных отношений), занимает особое место в лексикологии, а не в словообразовании (здесь и сложившиеся научные традиции, и отсутствие словообразовательной производности).

Однако разграничение полисемии и омонимии, последующее различное влияние этих лексикологических процессов обнаруживаются на словообразовательном уровне, и с этим приходится не только считаться, но и специально исследовать такие вопросы, как изучение причин, регламентирующих сочетаемость / несочетаемость морфем в производном слове в связи с изменением семантики производящей основы и аффиксов.

Чаще всего обращается внимание на характер субъекта (одушевленный – неодушевленный) при установлении различных причин влияния семантики на сочетаемость морфем. И это действительно так. При префиксации в глаголах движения современного русского языка одушевленный субъект не препятствует производности, к примеру, в предложении: *Мальчик идет в школу*. Возможными являются следующие образования (при соответствующих заменах предложно-падежного компонента *в школу*): *пойдет, зайдет, выйдет, войдет, уйдет, придет; походит, заходит, выходит, входит, уходит, приходит*.

Что же касается неодушевленного субъекта действия, то в этом случае сочетаемость производящей основы и префиксов может быть ограничена. Например, в предложении: *Поезд идет сегодня (ходит всегда) по расписанию*. – возможны замены *пойдет, придет, уйдет (приходит, уходит)*, однако образования типа *выйдет, войдет, зайдет (выходит, входит, заходит)* в предложенном контексте не употребительны. Ограничение использования названных префиксальных образований можно объяснить прежде всего характером внешней сочетаемости: субъект действия *поезд* выражен неодушевленным существительным, которое обуславливает движение по твердой поверхности, но только по рельсам (среда перемещения), с помощью технических средств, а не с помощью ног (средства перемещения). В результате характер перемещения исключает значение «движение во внутрь» чего-либо или такое темпоральное значение, как *походить* «некоторое время», и др. Как видим, семантические модуляционные изменения в смысловой структуре глаголов *идти (ходить)* при сохранении категориальной лексической семы ‘перемещение в пространстве’ регламентируют употребление определенных префиксальных образований.

Таким образом, при *модуляционных* изменениях смысловой структуры производящего слова совместимость / несовместимость его с формантами может быть объяснима не только сохранением системных отношений производящих слов, но и семантикой новообразований, мотивированных в рамках сохранения / не сохранения этих системных отношений.

Семантические изменения *деривационного* характера в смысловой структуре производящего слова, при которых меняется категориально-лексическая сема, регламентируют внутреннюю сочетаемость основы и аффиксов, то есть парадигму сложившихся типов префиксального словообразования. Например: *Это платье ей идет* (глагол ЛСГ отношения, а не перемещения). В данном случае разрушается субституция парных глаголов *идти – ходить*, что ограничивает возможности включения в одну парадигму префиксальных образований от глагольных основ со значением направленного и ненаправленного действия (платье ей *подойдет, пойдет*, но не *подходит*).

Анализ более 100 разноуровневых признаков, характеризующих славянские глаголы перемещения в пространстве, а также рассмотрение семантических деривационных процессов в связи с префиксацией показали, что зависимость между семантическими изменениями мотивирующего (а исторически – производящего слова) и возможностью / невозможностью сочетаемости его с префиксами до сих пор не рассматривалась в этом аспекте. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что слово *идет* как глагол отношения может сочетаться лишь с префиксами *по-, под-(подо-)* в их значении «совместимость чего-либо с чем-либо» (сравнение, оценка, соответствие). Следовательно, словообразовательные процессы, связанные с сочетаемостью исходных глаголов движения как производящих основ и префиксов в качестве модифицирующих формантов, обнаруживают разную степень зависимости от характера семантических изменений, которые могут быть объяснены синхронно-диакронически в следующей последовательности: в рамках первичного значения исходного глагола и соответствующего префикса; в рамках семантической модуляции исходного глагола и соответствующего префикса; в рамках семантической деривации исходного глагола и соответствующего префикса.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья впервые была опубликована: Новые пути изучения словообразования славянских языков : 2-е заседание Международной комиссии по славян-

скому словообразованию (Магдебург, 9–11.10.97). – Frankfurt am Main : Peter Lang (Europäischer Verlag der Wissenschaften), 1999. – S. 87–197.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Вопросы теории и истории языка. – М. : АН СССР, 1952. – С. 99–152.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
3. Лопатин, В. В. Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков / В. В. Лопатин // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М. : Наука, 1987. – С. 228–232.
4. Лопушанская, С. П. Изменения семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции / С. П. Лопушанская // Русский глагол (в сопоставительном освещении). – Волгоград : Изд-во ВПИ, 1988. – С. 5–19.
5. Лопушанская, С. П. О семантической сочетаемости морфем в истории русского словообразования / С. П. Лопушанская // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – М. : [б. и.], 1991. – С. 183–189.
6. Лопушанская, С. П. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке / С. П. Лопушанская. – Казань : Казан. гос. пед. ин-т, 1975. – 342 с.
7. Лопушанская, С. П. Очерки по истории глагольного формообразования в русском языке / С. П. Лопушанская. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1967. – 175 с.
8. Лопушанская, С. П. Развитие и функционирование древнерусского глагола / С. П. Лопушанская. – Волгоград : Изд-во ВПИ, 1990. – 114 с.
9. Лопушанская, С. П. Термин «семантическая модуляция» в метаязыке словообразования / С. П. Лопушанская // Терминоведение. Terminologie. Recherches et études. – Вып. 1. – М., 1994. – С. 140–144.
10. Манучарян, Р. С. Аспекты и вопросы сопоставительно-типологического изучения словообразования / Р. С. Манучарян // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М. : Наука, 1987. – С. 53–58.

11. Николаев, Г. А. Теоретические проблемы русского исторического словообразования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Николаев Геннадий Алексеевич. – Л., 1988. – 32 с.

12. Сахарчук, Л. И. Методологические проблемы словообразования (семантика немецкого производного глагола) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Сахарчук Людмила Ильинична. – Киев, 1988. – 37 с.

13. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов ; РАН. – М., 1996. – 221 с.

14. Улуханов, И. С. Компоненты значения членимых слов / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2. – С. 71–78.

15. Улуханов, И. С. Мотивация и производительность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка) / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 5–20.

16. Улуханов, И. С. Состояние и перспективы развития исторического словообразования славянских языков / И. С. Улуханов // Исследования по историческому словообразованию. – М. : [б. и.], 1994. – С. 3–15.

17. Harcevski, S. Système du verbe russe: Essai de linguistique synchronique / S. Harcevski. – Prague, 1927. – 167 S.

**ИСТОЧНИКИ, СЛОВАРИ
И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ**

Изб. 1073 г. – Изборник 1073 года / под ред. Л. П. Жуковской. – М. : Книга, 1983.

Ж. Стеф. Перм. Епиф. – Житие св. Стефана, епископа и учителя земли Пермской, написанное Епифанием после 1396 г.

КЕ – Кормчая Ефремовская, XII в.

КН – Кормчая Новгородская, 1280 г.

Пов. вр. л. – Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, Санкт-Петербург, 1872.

ПС – Патерик Синайский, XI в.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 5. – М. : Наука, 1978. – С. 394.

Сл. Ср. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. / И. И. Срезневский. – Т. II. – СПб., 1895. – 1317 с.

Усп. сб. XII–XIII вв. – Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1971.

**COMMON FACTORS OF MORPHEMES COMPATIBILITY
(ON THE MATERIAL OF RUSSIAN VERBS OF MOVEMENT)**

Lopushanskaya Sofiya Petrovna

С. П. Лопушанская. Закономерности сочетаемости морфем